

НЕСКОЛЬКО ЭПИЗОНОВ ИЗ ЖИЗНИ СОЛДАТА

С ветераном войны, канашцем Петром Федоровичем Федоровым, перебираем его архив. Среди пожелтевших от времени военных документов то и дело попадаются наградные удостоверения. Порывшись, Петр Федорович бережно достал одно из них и сказал:

- Вот моя первая награда - орден Красной Звезды...

И замолчал, видимо, вспоминая то далекое прошлое. И это прошлое словно опалило его огнем.

- Наш корпус, - начал он свой рассказ, - вел ожесточенные бои на подступах к Харькову. Был приказ: взять его любой ценой, чтобы развить наступление дальше. Немцы дрались ожесточенно. В одной из атак рядом со мной разорвался снаряд. Тяжело раненного, меня отшвырнуло взрывной волной, а дальше я уже ничего не помнил. Очнулся в госпитале, голова забинтована, рядом сослуживцы. «Ну, говорят, - слава Богу, жив, а мы уж думали все - не жилец...» А вот мой сослуживец из Ухман поспешил: сообщил домой, в Большие Чаки, что я пал смертью храбрых...

Из госпиталя Петр Федоров вышел, когда Харьков был освобожден, наши войска продвигались дальше, на Запад. Вернулся Петр Федорович в свой танковый корпус, где и нашла его первая боевая награда. Потом он с боями прошел Украину, участвовал в крупнейшей во второй мировой войне Висло-Одерской наступательной операции, сражался в Польше, Германии, штурмовал Берлин. И простую сержантскую гимнастерку все больше и больше украшали ордена и медали - за отвагу, за мужество, за взятие Берлина...

А свою боевую биографию Петр Федорович начал в 1938 году, когда его призвали на службу. Попал он в Среднюю Азию, в артиллерийский полк. Окончил полковую школу, стал помкомвзвода. Войну встретил под Москвой. Был ранен, а потом, после излечения, направлен во фронтовую

разведку II танкового корпуса. В этом составе он прошел немало трудных дорог, не раз смотрел смерти в лицо.

...Шла зима 1942-го. Корпус, в котором служил П. Федоров, срочно из под Ельца по приказу Главкомандующего направили под Сталинград, где днем и ночью шли кровопролитные бои. Как-то рано утром танки загрузили на железнодорожные платформы, и эшелон взял курс на юг. «К началу декабря», - вспоминает Петр Федорович, - мы были уже на месте, разгрузились в пригороде Сталинграда. Кругом степь, снега, сквозные ветры...

Стоим. Вдруг видим: к месту нашей разгрузки идут трое в плащ-палатках. Один из них отделился и подошел к нашему командиру полка. Мы его сразу узнали: это был командующий армией Василий Иванович Чуйков. Он дал распоряжение занимать оборону и тут же поспешил дальше. Выбрав позиции, солдаты стали устанавливать 76-миллиметровые пушки. Надо было долбить землю, окапываться. Мешали не только жестокие морозы, но и фашистские снайперы. Немало они положили наших солдат. Помню, мой сослуживец Аркадий Петров из Шихазан утром поспешил выйти из землянки и забыл, что снайперы всегда начеку. Только вышел в полный рост, - его и сразила фашистская пуля. А через несколько дней начались страшные бомбежки. По несколько раз в день фашистские самолеты сбрасывали на нас свой смертоносный груз.

Думали, не выберемся из этой мясорубки. Хорошо, что вскоре небо над Сталинградом стали охранять наши прославленные «ястребки».

- А приходилось вам бывать в разведке?

- А то как же! Я же был помкомвзвода по разведке. За «языком» ходили несколько раз.

И Петр Федорович припомнил такой эпизод. Однажды их, 12 человек, направили в тыл врага. Ночью, подкравшись к немецким траншеям, разведчики оглушили и прихватили с собой ефрейтора и солдата. Заткнув им рот кляпом, долго тащили до КП. Сдав «языков», уже на рассвете разведчики возвращались к себе в часть. И тут их заметили немцы, открыли бешеный пулеметный огонь. В ход пошли и пушки. «Степь простреливалась насквозь», - рассказывает Петр Федорович. - Голову поднять нельзя. Лежим час, второй... Чувствуем: стали коченеть. Но только двинемся на метр-другой, как немцы опять поливают нас свинцом. Решили, видимо, доконать нас на морозе. И вдруг один из наших шустрых разведчиков, Николай, фамилию его не помню, показывает: глядите, сарай! До него было метров

«Вы бегите туда, а я вас прикрою!» - крикнул он и стал палить из автомата. Немцы перенесли огонь на него, а мы, где ползком, где перебежками добрались до сарая и, еле переведя дух, повалились на сено. Николая мы больше не видели. Наверное, погиб. А сами мы просидели в сарае два дня - без еды, без воды, без курева. И только, когда нас уже окончательно

прижало, решили пробираться к своим. Ночью ползли, брюхом пахали снег до самого леса. До него было метров 400. Приползли, а бойцы, встретившие нас, ахнули: «А мы, - говорят, - думали, что вы погибли».

На этом завершается сталинградская эпопея Петра Федоровича. После того, как Красная Армия пошла в наступление, корпус Петра Федоровича перебросили на другой участок фронта, на Орловско-Курскую дугу, где солдату тоже пришлось хлебнуть немало трудностей, потерять много боевых друзей. Он остался жив, до выхода на пенсию долгие годы работал в общественном питании, был поваром, старшим поваром, бригадиром. В его копилке, помимо боевых наград, немало и трудовых. Все эти годы П. Федоров держал тесную связь со своими бывшими сослуживцами, часто ездил на встречу с ними. Нет, не забывается фронтовая дружба!

А. ГОРСКИЙ.